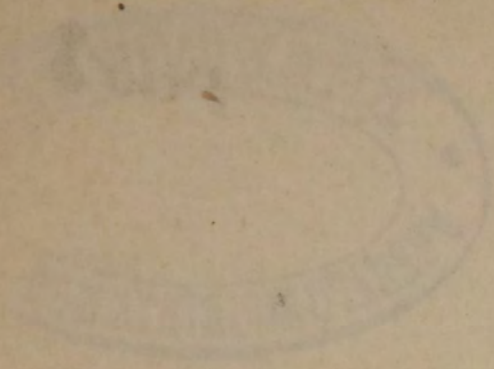

14168.

К

Самъ Мит. Каз. Эксп. Общ.

1859, VI.

14168.

IV. Е. М.-В

~~И. В. Е.~~

**НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О ПОСОШКОВѢ,
КАКЪ ЭКОНОМИСТѢ XVIII СТОЛѢТІЯ.**

«Ей неученый есмь человекъ, къ
сему же еще и земледѣлецъ есмь,
только отъ вложенныхъ мнѣ отъ Бога
ревности возжелахъ о сихъ стать-
яхъ донести; понеже вижу, что
отовсюду погибаемъ, а помощи и
спасенія ниоткуда не знаемъ.»

(Донесеніе Посошкова Мит. Стеф. Явор.).

Бѣдна наша политическая литература XVIII ст.; даже исторія,—которой посчастливилось въ запискахъ, сборникахъ и монографіяхъ,—не можетъ похвалиться зрѣлыми и полными произведеніями; тѣмъ большую несостоятельность или совершенное отсутствіе замѣчаемъ мы въ сочиненіяхъ критическихъ. Ни одного сочиненія, которое-бы многостороннимъ-образомъ разсматривало современное состояніе государства, представляло-бы картину его строя и объясняло существующія учрежденія и вліяніе ихъ на общество со всею подробностію и близкимъ знакомствомъ добросовѣстнаго современника; ни одного сколько-нибудь цѣльнаго обзора правительственныхъ элементовъ и сторонъ общественной жизни. Оно и не удивительно. Публицисты являются въ странѣ образованной, литературная дѣятельность ихъ возникаетъ при пониманіи

19981

Библиотека Имп. Моск. ун-та

19 апр

значенія государства, при сознаниі его цѣлей и интересовъ, оно вызывается броженіемъ и борьбою общественныхъ началъ и крайностями, могущими произойти въ государственномъ порядкѣ отъ перевѣса и преобладанія извѣстнаго элемента. Тогда поднимается на работу все общество, всякій спѣшитъ, по мѣрѣ силъ своихъ, способствовать поступательному движенію государства, дѣло доходитъ до распрей, до вражды; но при свободѣ слова и при уваженіи личнаго мнѣнія, оно всегда оканчивается мировою, при достиженіи благопріятнаго результата.

Если ничего этого и не могло представить наше общество петровской эпохи; то однако же старалось доказать и доказало неразъ, что оно не машинально увлечено въ новое направленіе, что оно само сознательно и добровольно участвуетъ въ переходѣ изъ патріархальнаго застоя въ колею государственной жизни.

При появленіи въ свѣтъ уважаемаго труда г. Устрялова — «Исторіи Петра Великаго», критика справедливо упрекала автора въ томъ, что онъ, въ своемъ трудѣ, не далъ мѣста этому самобытному порыву впередъ, этому движенію къ лучшему. Читателю остается подозрѣвать, что Петръ все наложилъ и привилъ извнѣ, что насильственной и мощной рукой онъ самъ бросилъ въ наше общество сѣмена европейской цивилизаціи. Хотя и правда, что не всѣ понимали потребность реформы, большинство видѣло въ обновленіи, произведенномъ Петромъ, посягательство на свою національность, на все родное и дорогое сердцу по привычкѣ и по воспоминанію и стойко и непріязненно защищалось противъ всякихъ нововведеній; но были люди вполне сознававшіе, что нуженъ былъ переломъ, необходима была иная организація для цѣлесообразнаго развитія государства. Одни изъ нихъ ясно выражали это своимъ протестомъ противъ настоящаго по-

рядка вещей, другіе торопливымъ розыскомъ помощи своей гражданственной слабости, стремленіемъ къ перениманію, хотя чужихъ, но здоровыхъ и обновляющихъ элементовъ. Изъ ряда этихъ людей вышли полезные помощники Петру—Матвѣевы, Долгорукіе, Прокоповичи, Шеремтьевы, изъ которыхъ каждый, въ назначенной сферѣ, дѣятельностію заявилъ свои убѣжденія. Это были люди государственные, но изъ-за нихъ показывается человѣкъ, вышедшій изъ сословія, бывшаго въ загонѣ и пренебреженіи, для котораго только теперь занимается заря будущаго, человѣкъ, по своему положенію, не попавшій въ число дѣятелей, но жадно желавшій славы и благоденствія своему народу и потому посвятившій жизнь трудамъ писателя. Это былъ крестьянинъ Иванъ Посошковъ.

Едва извѣстный современникамъ по тремъ небольшимъ сочиненіямъ 1) «О ратномъ поведеніи», представленномъ боярину Головину, 2) «О духовныхъ дѣлахъ»—Стефану Яворскому, 3) «Наставленіе сыну отправленному въ путешествіе»,—Посошковъ является съ большей заслугой и съ большимъ правомъ на признательность потомства съ 1842 г., когда, благодаря трудамъ г. Погодина, было издано его капитальное сочиненіе «О скудости и богатствѣ».

Было извѣстно,—по указаніямъ Новикова въ словарь Русскихъ писателей (1753 г.), что повторяетъ и митрополитъ Евгеній въ своемъ словарѣ, гдѣ при имени Посошкова выставлены только его сочиненія, безъ всякихъ біографическихъ подробностей,—что Посошковъ написалъ книгу «О скудости и богатствѣ» и что она хранится въ Императорской библіотекѣ. Счастливый случай, по собственнымъ словамъ г. Погодина, доставилъ ему рукопись, которая была куплена съ аукціона (въ 1840 г.), въ числѣ другихъ бумагъ, послѣ покой-

наго Лаптева, собирателя русских древностей. Г. Погодинъ, при содѣйствіи Общества исторіи и древностей российскихъ, издалъ эту рукопись, съ присоединеніемъ къ ней краткой біографіи автора и другихъ его сочиненій.

Изъ этой книги мы узнаемъ кто такой былъ Посошковъ: человекъ незначительный, «мизерный», по его собственному выраженію, хутородный и, слѣдовательно, свободный отъ всякихъ предразсудковъ боярщины. Въ своихъ запискахъ, назначенныхъ къ прочтенію государя, онъ говоритъ о злоупотребленіяхъ и неправдѣ открыто и смѣло, какъ второй Яковъ Долгорукій; онъ проситъ государя принять его совѣты и обѣщаетъ пользу при ихъ примѣненіи. Царь зналъ его лично; но не извѣстно—дошелъ ли его голосъ до ушей царскихъ и какой успѣхъ имѣло сочиненіе. Тѣмъ труднѣе опредѣлить, что это было за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины того, о комъ сказалъ витія его времени: «Россіяне! что дѣлаемъ, кого погребаемъ?» Своимъ послѣднимъ трудомъ Посошковъ занимался три года, «утаенно отъ зрѣнія людскаго» и кончилъ его въ 1724 году. Читая его сочиненіе испытываешь какое-то веселое чувство, пріятное для русскаго самолюбія, и невольно на память приходятъ его слова: «Много нѣмцы ушлѣ насъ науками, а наши острою, по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно». Какъ русскій человекъ, онъ возбуждаетъ много симпатіи въ душѣ соотечественника.

Когда же родился, гдѣ жилъ, когда умеръ Посошковъ? Всѣ эти вопросы г. Погодинъ рѣшаетъ гадательно, основываясь на выводахъ изъ его сочиненій; отвѣчать на нихъ положительно—было-бы довольно трудно или смѣло, потому-что о такихъ людяхъ у насъ мало свѣдѣній. А между-тѣмъ явленіе чрезвычайно высокое, предметъ вполне дос-

тойный вниманія и удивленія: простой крестьянинъ, силою одного ума и опытной наблюдательности, возвышается до пониманія лучшаго государственнаго устройства, чѣмъ могла дать ему дѣйствительность, до сознанія правильныхъ юридическихъ и экономическихъ началъ. «Чѣмъ далѣе я читалъ, говоритъ г. Погодинъ о его сочиненіи, тѣмъ болѣе удостовѣрялся, что не было ни одного государственнаго вопроса, до котораго бы Посошковъ не коснулся, о которымъ бы не думалъ и не дошелъ до положительнаго мнѣнія.»

Кругъ тогдашняго воспитанія вообще былъ узокъ, а тѣмъ больше было бѣдно ученіе крестьянина: умѣнье писать, чтеніе псалтыря и часослова составляли всю программу, знаніемъ которой могъ похвалиться лучшій изъ нихъ; другія науки принимались неохотно или недовѣрчиво. Откуда же зашло въ разсужденія Посошкова такое здоровое и твердое пониманіе экономическихъ и финансовыхъ законовъ? Политическая экономія и на западѣ возникла гораздо послѣ него; въ финансовой теоріи встрѣчаемъ тоже мало точныхъ опредѣленій; до многихъ началъ наука совсѣмъ еще не доработалась, а то, что было ею пріобрѣтено, не могло сдѣлаться достояніемъ русскаго крестьянина, перенесшись въ страну, полную антипатіи къ западу. Но такова сила истины и вѣчныхъ непреложныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ природѣ; она носится въ воздухѣ, безъ видимой передачи, посредствомъ какой-то тайной связи переливается въ душу поколѣній, и съ яснымъ сознаніемъ ея рождаются талантливые люди.

Изъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о Посошковѣ намъ извѣстно, что онъ былъ крестьянинъ села Покровскаго, занимался промыслами и вообще былъ человѣкъ практичный, смѣтливый и изворотливый. «И у меня вымысловъ пять-шесть было нажиточ-

ныхъ, говоритъ онъ, а покормится мнѣ не дали и всѣ мои вымыслы пропали ни за что».

Изъ этихъ словъ не слѣдуетъ заключать, чтобы ему не везло въ дѣлахъ; напротивъ, его обороты, воспитаніе сына за границей, показываютъ, что они шли хорошо и онъ имѣлъ порядочный капиталъ.

Кромѣ этого мы ничего не знаемъ о Посошковѣ.

Хотя для науки нѣтъ нужды—кто работаетъ въ ея пользу, кто вноситъ больше свѣту въ ея храмину, шло бы только успѣшнѣе развитіе идей и уясненіе ея истинъ, объ ихъ же провозвѣстникахъ она упоминаетъ изъ признательности и изъ необходимости обработки ея исторической стороны; однакожъ интересно—бы узнать, какимъ-образомъ, при своихъ частныхъ занятіяхъ, Посошковъ могъ и успѣвалъ знакомиться съ условіями государственнаго механизма. Практикъ въ жизни, онъ внесъ ту же практичность въ свои разсужденія, онъ не создавалъ утопическихъ построеній, потому-что не былъ увлеченъ теоріей и не могъ злоупотреблять ею; онъ писалъ картину съ натуры и писалъ въ духъ своего времени. Онъ не остановился на какой-нибудь отдѣльной сферѣ государственной жизни, потому-что не былъ посвященъ въ спеціальность, онъ задѣлъ все, что предстало его глазу и судилъ безъ научныхъ данныхъ, на однихъ законахъ разума. Но такъ-какъ и наука есть проявленіе тѣхъ же законовъ, то поэтому его положенія близко подходятъ къ опредѣленіямъ науки. Разумѣется, въ его трудѣ нѣтъ систематическаго изложенія, нѣтъ полноты и единства, много промаховъ, отступленій и противорѣчій настоящимъ научнымъ положеніямъ; но странно быть слишкомъ требовательнымъ къ писателю-крестьянину, жившему въ первой четверти XVIII ст. Трудъ его представляетъ калейдоскопъ разныхъ сторонъ жизни и его пестроту мы можемъ изви-

нить автору, помимо другихъ обстоятельствъ, богатствомъ и разнообразіемъ набѣгавшихъ на него впечатлѣній.

Посошковъ писалъ спроста, но имъ высказаны такія мысли, изъ которыхъ многія впослѣдствіи сдѣлались капитальной идеей особаго царствованія, многіе поставленные имъ вопросы разрѣшены болѣе или менѣе удовлетворительно, нѣкоторые составляютъ задачу настоящаго времени, а нѣкоторыя ждутъ своего рѣшенія отъ будущаго.

Много мыслей, соображеній и плановъ реформы долженъ былъ внушить его трудъ тѣмъ, кто читалъ его и кому приводилось стоять на высокихъ ступеняхъ администраціи и всякій легко убѣждался, что правильный ходъ государственной машины возможенъ только при хорошемъ устройствѣ ея частей, при прочной постановкѣ колесъ, при направленіи къ единственной цѣли—благосостоянію народному. Народное богатство служитъ главнымъ средствомъ къ осуществленію гражданскаго прогресса, народнаго довольства и благосостоянія; поэтому разсужденіямъ о немъ Посошковъ посвящаетъ много прекрасныхъ страницъ, которыя, по ясности и раціональности взгляда и правильному пониманію основныхъ законовъ, сдѣлали-бы честь болѣе образованному и свѣдущему экономисту. Но быстрое развитіе и правильное распредѣленіе богатствъ не мыслимо безъ существованія государственныхъ учрежденій или при дурной ихъ организаціи и Посошковъ относитъ безопасность гражданъ, равенство передъ закономъ и безпристрастіе судовъ къ причинамъ, увеличивающимъ массу цѣнностей въ народѣ, а несправедливость, злоупотребленія, запутанность и излишнюю сложность администраціи къ вреднымъ причинамъ уменьшающимъ народное богатство. Потому-то онъ называетъ свое сочиненіе: «о скудости и богатствѣ»,

между-тѣмъ-какъ въ немъ трактуется о многихъ предметахъ, не касающихся народной производительности; оно представляется намъ обзоромъ тѣхъ дѣйствій, которыя способствуютъ общественному оскудѣнію или обогащенію.

Какъ ни важны другія политическія мѣры, предлагаемыя Посошковымъ, но насъ интересуютъ его мнѣнія о народномъ хозяйствѣ и мы постараемся взглянуть на него, какъ на экономиста. Разсмотрѣвъ, въ своей девятерицѣ, состояніе духовенства, воинства, судовъ, онъ въ IV-й главѣ переходитъ къ купечеству и прямо высказываетъ свой взглядъ на это сословіе. «И купечество въ ничтожность повергать не надобно, понеже безъ купечества никакое не токмо великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюетъ, а купечество помогаетъ и всякія потребности имъ уготовляетъ.»

Читатель видитъ, что въ умѣ русскаго экономиста-самоучки нѣтъ ложнаго понятія о торговомъ сословіи, которое фیزیократы признавали не производительнымъ; онъ утверждаетъ, напротивъ, что оно также полезно, какъ и другія.

Главнымъ условіемъ успѣшныхъ занятій купечества Посошковъ ставитъ честность и правдивость, и, за неимѣніемъ другихъ аргументовъ, напр. статистическихъ, въ доказательство приводитъ тексты св. писанія, къ которымъ, какъ истинный христіанинъ, онъ вообще любитъ обращаться. Въ видахъ финансовыхъ, онъ предлагаетъ, чтобы всякій, желающій торговать на сумму выше ста рублей, записывался бы въ купечество и платилъ съ своего торгу пошлину, сообразную величинѣ капитала. Для сбора этихъ пошлинъ и штрафовъ за обманы и шарлатанство, онъ совѣтуетъ приставить сотскихъ. На счетъ иностранной торговли Посошковъ такого мнѣнія, чтобы русскіе купцы ни чуть не поддава-

лись, если иностранцамъ вздумается поднять цѣны на свои товары и понизить на наши и предлагаетъ на это время не отдавать своихъ и не брать чужихъ; пусть, говоритъ, такъ и увезутъ, а на другой годъ набавить цѣну. Нота каприза къ иностранцамъ звучитъ въ его словахъ и тогда, когда онъ говоритъ о мѣнѣ товаровъ. «Сіе странное дѣло, что къ намъ пріѣхавъ съ своими бездѣлками, да нашимъ матеріальнымъ товарамъ цѣну устанавливаютъ низкую, а своимъ цѣну ставятъ двойную, а инымъ товарамъ и выше двойной цѣны..... И издѣваясь надъ нами, вмѣсто матеріальныхъ товаровъ, возятъ разныя питья, да похваляютъ ихъ, то питье честное и весьма похвальное, дабы, слыша имъ такую похвалу, больше покупали». Во многихъ мѣстахъ Посошковъ высказывается противъ роскоши въ одеждѣ, въ домашней утвари, въ припасахъ и остерегаетъ покупателей, чтобы они осматривали иностранные товары и не брали ничего, что въ носкѣ не прочно. «Нѣмцы никогда не поучатъ насъ на то, чтобы мы бережно жили, и ничего бы напрасно не теряли, только то выхваляютъ, отчего бы пожитокъ какой имъ припалъ, а не намъ.»

Въ заключеніе обращаетъ вниманіе на нашу домашнюю производительность и представляетъ возможность разрабатывать свои продукты, какіе есть, а чужихъ подобвыхъ не брать, замѣнить заморскія питья медами и развести свои табачные заводы, что доставитъ несомнѣнную выгоду.

Въ главѣ «о художествѣ», Посошковъ разсматриваетъ русскія ремесла и промышленность: при организаціи этой отрасли труда, онъ держится регламентарности и выставляетъ образцами западныя ремесленные корпорціи, о которыхъ онъ слышался. Потомъ благоразумно защищаетъ привилегіи изобрѣтеній: «И еще тако устроено будетъ у

насъ въ Руси, то также что у иноземцевъ будетъ много вымышленниковъ: многіе бы острые люди и нарочно стали тѣхаться, какъ бы что новое вымыслить, отъ чего бы ему наживится..... Истинно надлежитъ сему гражданскій уставъ учинить, чтобы за вымыселъ новаго какого мастерства или промысла отнюдь инымъ не допускать, дондеже живъ тотъ вымышленникъ».

Передъ очевидной пользой для родной промышленности смолкаетъ желчный голосъ Посошкова относительно иностранцевъ: «А буде кто иноземецъ прїѣдетъ въ Русь художникъ добрый, мастерства именитаго и у насъ въ Россіи небывалаго и такому надлежитъ дать домъ и отдать ему въ наученіе челоуѣкъ десятокъ мѣста или больше и учинить съ нимъ договоръ крѣпкій, чтобъ онъ тѣхъ учениковъ училъ прилежно и никрытно». Къ туземнымъ производительнымъ силамъ Посошковъ возвращается и въ этой статьѣ и желаетъ, чтобы «завести на Руси дѣлать тѣ дѣла, кои дѣлаются изъ льну и изъ пеньки, т. е. трипы, бумази, рубки, миткали, камордки и парусинное полотно и прочія дѣла, кои изъ русскихъ матеріаловъ дѣлаются: сіе бо весьма нужно, еже кои матеріалы гдѣ родятся, токмо бы они и въ дѣло происходили».

Высказывая одно изъ основѣйшихъ правилъ политической экономіи—о сообразности производства съ мѣстными условіями, онъ прибавляетъ, что полотна станутъ гораздо дешевле, множество праздныхъ рукъ будетъ занято и русскіе люди обогатятся. Онъ предлагаетъ тутъ же и экономическія соображенія при устройствѣ заводовъ и фабрикъ. Его занимаетъ и приготовленіе красокъ, какъ матеріала, необходимаго въ ситцевомъ производствѣ: «Да хорошо бы было добыть и красочныхъ мастеровъ, кои умѣютъ дѣлать крутикъ и лавру и киноваръ и голубецъ и боканъ венеціанской и простой

и ярь веницейскую и простую и шишгиль и прочія краски, иже дѣлаются изъ составленія матеріи изъ поташу, изъ мальчуга, изъ мѣди, изъ олова, изъ свинцу, изъ сѣры и изъ прочихъ и иныхъ вещей въ Руси обрѣтающихся». Для отысканія натуральныхъ красокъ онъ совѣтуетъ вызвать искусныхъ иностранцевъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями ихъ минеральнаго образованія: «Мы сіе весьма дивно, возражаетъ русскій патріотъ, земля наша Россійская, чаю, что будетъ пространствомъ не менѣе нѣмецкихъ, и мѣста всякія въ ней есть теплыя и холодныя и гористыя и моря розныя, морскаго берега колико подъ нами и смѣтитъ невозможно,—отъ Кольскаго острова если берегомъ ѣхать, такъ и годомъ всего его не изъѣхать,—а ни какія вещи у насъ потребныя не сыскалося. Я и небольшое мѣсто ѣздилъ, и хотя я незнаючи ѣздилъ, обаче не тупе моя ѣзда: сыскалъ я самородную сѣру, самую чистую, что подобно камню янтарю и во всей вселенной толико ея нѣтъ, колико у насъ; лекарственную матерію сыскалъ я, нарицаемую Гумъ сфальтумъ, и не вѣмъ колико ея за моремъ, а у насъ хотя пудъ сто мочно добыти, и нефти сыскалъ я многое число, вохры и червлени, хотя и по тысячи пудъ можно добывать; и пументъ есть же у меня въ пріискѣ, и я не знаю чего бы у насъ въ Руси не сыскать, да мы не знаемъ, потому что за моремъ не бывали и въ таковыхъ мѣстахъ что обрѣтается не видали и не слыхали, а иноземцы кои и знаютъ, да не хотятъ намъ объявить».

Не одинъ Посошковъ съ горечью и сожалѣніемъ отзывается объ отсутствіи у насъ техники и горнаго искусства: извѣстны виды великаго преобразователя и его распоряженія по этому дѣлу.

Переходимъ теперь къ отдѣлу, весьма интересному, проливающему много свѣта на характеръ Посошкова и на достоинство его сочиненія.

Говоря о крестьянахъ, сословіи, изъ котораго онъ вышелъ, сословіи всего больше призывавшемъ его симпатію и участіе, въ дѣлѣ чрезвычайно ему близкомъ, такъ-сказать кровномъ дѣлѣ, онъ остается такимъ же открытымъ и прямодушнымъ человекомъ, потому-что быть безпристрастнымъ судьей въ собственномъ дѣлѣ есть признакъ высокой честности. Вотъ-что говоритъ онъ: «Крестьянское житье скудно не отъ чего иного, колико отъ своея ихъ лѣности, а потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей и отъ помѣщичья насилія и небреженія ихъ». Потомъ, рисуя непривлекательную картину ихъ жалкаго быта, многія причины онъ относитъ къ неблагоразумному и даже безрасудному веденію хозяйства. Онъ указываетъ, между-прочимъ, на безпорядочное употребленіе лѣснаго матеріала, который гноится и жжется безъ пользы, на собираніе орѣховъ и рыбную ловлю, производимыя не во время и въ ущербъ народному хозяйству. Но также много обвиняетъ онъ въ этомъ бѣдственномъ положеніи крестьянства несправедливость судей, неправильность и неравномѣрность налоговъ, притѣсненія и произволъ помѣщиковъ и прибавляетъ, что его нужно хранить «царскимъ указомъ, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство царственное».

Для опредѣленія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, онъ предлагаетъ что-то въ родѣ инвентаря.

Что касается налоговъ, падающихъ на крестьянъ, то вотъ его мнѣніе: «Я истинно о семъ много размышлялъ, како бы право крестьянскіе поборы съ нихъ собирать, чтобы Его Императорскому Величеству было прибыльно, а имъ было бы не тягостно, и сего здравѣе не обрѣтохъ: что прежде расположить крестьянскіе дворы по владѣнію земли имъ данныя, чѣмъ кой владѣть, и колико онъ

на той своей землѣ хлѣба выѣсть про себя..... А и во счисленіи душевномъ не чаюжъ я проку быть, понеже душа вещь не осязаемая и умомъ непостижимая и цѣны неимущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя».

Онъ отзывается о способѣ взиманія подушной подати, что онъ хлопотливъ, труденъ и до того дорогъ, что издержки едва покрываются доходами, а прибыли никакой нѣтъ. При распредѣленіи податей совѣтуетъ наблюдать слѣдующія правила: «А егда отправлены будутъ валовые писцы или меревщики и тогда однимъ разомъ всѣ дворы перестроить, и землю имъ разверстать надлежитъ крестьянину на цѣлый дворъ, и колко на полдвора и на четверть двора и по той землѣ расположить имъ подати надлежащія въ казну царскаго величества и прочіе поборы по расположенію, дабы всякому крестьянину сносно было и обиды бы убогому передъ богатымъ не было, но всѣмъ бы уравненіе было опредѣленное по владѣнію ихъ».

Кромѣ-того, въ 8-й главѣ онъ подробнѣе говоритъ о размежеваніи и кадастрѣ. Убѣждаясь каждодневымъ опытомъ въ разныхъ экономическихъ и юридическихъ неудобствахъ, происходящихъ отъ запутанности правъ и неопредѣленности владѣній, слыша о тѣхъ частыхъ и странныхъ тяжбахъ, которыми полны старинные юридическіе акты, Посошковъ вызванъ былъ какимъ-то внутреннимъ голосомъ пріискать средство къ исправленію этой неурядицы и предложилъ размежевать участки, обозначить ихъ въ натурѣ прочными признаками и нанести съ ними участки на планы. «И еще тако вся Россійская земля размежуется, то успокоятся всѣ земляныя ссоры».

Появленіе этой мѣры въ административныхъ распоряженіяхъ относится къ 1837 г.; но Посошковъ задолго предвидѣлъ и предсказалъ ея необходимость.

Кадастръ представляется ему мѣрой дополнительной и тѣсно связанной съ генеральнымъ межеваніемъ и притомъ дающей основаніе важной государственной операціи — раскладкѣ поземельной подати: «И измѣривъ помѣстные и вотчинныя земли, обложить ихъ платежемъ съ земли, почему онъ нашъ Великій Государь укажетъ имать съ четверти или десятины на годъ, со всѣхъ обладателей земли Россійскія, которая останется за раздачею къ крестьянскимъ дворамъ подъ нашою ихъ и подъ сѣнокосъ въ помѣщичьихъ поляхъ и въ пустошѣхъ и въ лѣсахъ и въ болотахъ; потому что всякая земля, какъ отдѣлена будетъ къ крестьянскимъ дворамъ, съ той земли будутъ платить крестьяне по дворному своему окладу..... и того ради ту землю за помѣщиками и числить не надлежитъ».

Хотя Посошковъ не отдѣляетъ строго кадастра отъ межеванія и даже не называетъ его собственнымъ именемъ, но въ его словахъ слышится зародышъ той мѣры, которая впоследствии была призвана за необходимость въ финансовой администраціи государствъ Европы и только съ начала текущаго столѣтія у насъ. Въ настоящее время, когда финансовая теорія показываетъ всѣ выгоды и всю справедливость поземельнаго обложенія, когда положительное законодательство всячески старается перевести подушную подать на поземельную и съ помощію успѣховъ кадастра достигаетъ болѣе и болѣе благопріятныхъ результатовъ,—теперь, говоримъ мы, можно судить, какъ мѣтко была придумана Посошковымъ эта финансовая мѣра.

Далѣе, онъ говоритъ о налогѣ на зданія, который, по его понятію, выходитъ подворнымъ налогомъ: «И мнится миѣ: съ дворовыя замли, яко съ купецкихъ, тако и съ приказныхъ людей, и съ бѣломѣсцовъ всякаго званія, съ сильныхъ и безъсильныхъ лицъ, у конхъ въ городѣхъ и на посадѣхъ

дворы есть, кромѣ духовнаго чина и причетниковъ церковныхъ, съ дробныя сажени, кажется, можно по полушкѣ на годъ имать или по полуполушкѣ».

Грустную тѣму для его разсужденій представляетъ безграмотность крестьянъ, которая служитъ поводомъ къ обманамъ и притѣсненіямъ. Онъ рассказываетъ, что въ деревнѣ, гдѣ дворовъ тридцать, пріѣдетъ кто-нибудь съ указомъ или безъ указа, объявляетъ, что онъ присланъ для сбора податей, и назначаетъ по столько, сколько ему вздумается, а крестьяне всему этому вѣрятъ: «и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки; потому-что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, не разумѣютъ».

Онъ совѣтуетъ, для уничтоженія этого зла, заводить школы и, въ случаѣ неохотнаго ихъ посѣщенія, прибѣгнуть даже къ принужденію отцовъ отдавать дѣтей въ школы.

Вотъ что говоритъ Посошковъ о томъ сословіи, лучшимъ представителемъ котораго и адвокатомъ въ дѣлѣ справедливости является онъ самъ. Онъ желаетъ ему трудолюбія, воздержности, благосостоянія, безопасности, нравственнаго и умственнаго развитія и даетъ понять, что общество и государство могутъ и должны ему дать это для своей же пользы и славы.

Разсуждая о царскомъ интересѣ, онъ разумѣетъ подъ этимъ интересъ оригинальный, финансовыя выгоды государства и выставляетъ главнымъ и существеннымъ правиломъ, что: «Въ собраніи царскаго сокровища надлежитъ прямо и здраво собирать; чтобы никаковыя обиды ни на кого не навести; казна бы царская собирать, а царства не разорять..... Якобы утнаго сосуда не можно наполнить, тако и собраніе казны: аще собраннаго не будутъ блюсти, не споръ тотъ сборъ будетъ».

Онъ возстаетъ противъ мелочныхъ сборовъ, запутывающихъ торговля сношенія народа и народовъ и стѣсняющихъ потребленіе, и совѣтуетъ

замѣнить ихъ однимъ государственнымъ сборомъ, который будетъ гораздо выгоднѣе цѣлой системы внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ и сборовъ: хомутейныхъ, прикольныхъ, посаженныхъ, помостовыхъ, банныхъ, пчельныхъ, кожныхъ, покосовшинныхъ и вереницы другихъ наименованій. Мысль тоже нашедшая мѣсто въ государственныхъ соображеніяхъ и впослѣдствіи приведенная въ исполненіе. Возражаетъ онъ и противъ регалій. Тяжелый налогъ, падающій на необходимыя жизненныя припасы, вредно отзывается въ домашнемъ быту народа, онъ доводитъ ихъ потребленіе до самыхъ узкихъ размѣровъ и заставляетъ искать избавленія отъ чувствительныхъ издержекъ въ самыхъ дурныхъ качествахъ этихъ продуктовъ, черезъ что страждетъ и здоровье народное. Поэтому Носовъ возстаетъ противъ соляной регаліи съ тогдашними ея злоупотребленіями, доказывая всѣ невыгоды и потери, сопряженные съ этимъ способомъ распродажи соли и совѣтуетъ ввести продажу вольную, со взиманіемъ съ извѣстной единицы обложенія опредѣленную пошлину. Отъ дороговизны и часто невозможности пріобрѣтать, соль «въ деревняхъ такую нужну подъемлютъ, что многіе безъ соли ѣдятъ, и оцынжаютъ и умираютъ». Вольная продажа, по его мнѣнію, должна существовать на слѣдующихъ условіяхъ: вмѣсто продажной цѣны, которая прежде составляла доходъ, наложить пошлину на каждый пудъ по гривнѣ и брать этотъ сборъ на мѣстѣ добыванія соли, отчего онъ будетъ цѣль и ни въ огнѣ не сгоритъ, ни въ водѣ не потонетъ, и если назначенная въ продажу соль впослѣдствіи погибнетъ, то казнѣ не будетъ никакого ущерба. Взявъ пошлины и выдавъ ярлыки, допустить свободную продажу повсюду; всякій промышленникъ станетъ заботиться о своихъ интересахъ, поведетъ дѣло легко и удобно, а вслѣдствіе этого окажется лишнею толпа цѣловаль-

никовъ, управителей, надзирателей, которыхъ считается тысячъ пять или шесть и которые кормятся обманами при продажѣ соли и «будто черви точатъ тоя жь соль».

Совершенно противнаго мнѣнія держится онъ въ отношеніи питейныхъ сборовъ. При немъ существовала казенная продажа вина, а рядомъ съ ней много частныхъ винокуренныхъ заводовъ, злоупотреблявшихъ правомъ поставки вина въ казну и продававшихъ вино помимо этого обязательства. Поэтому Посошковъ думаетъ, что было-бы гораздо лучше совершенно стѣснить вольную выкурку вина, отобравъ чаны и всѣ принадлежности у заводчиковъ, заплатить имъ деньги. Но такъ-какъ и казенная продажа была сопряжена съ обманами и неправильностію, то онъ предлагаетъ ввести нѣкоторыя измѣненія въ устройствѣ кабаковъ. Вредъ, по его убѣжденію, происходитъ отъ того, что «бурмистры живутъ въ тѣхъ службахъ не прочныя, но на каждый годъ перемѣнные; другое что уборъ питейныхъ покоевъ плохъ и питья держатъ самыя плохія; третье что цѣна питью одному обрѣтается разная: вино имя одно, а цѣною продается разною и каждый годъ особливую цѣну имѣетъ». Частая смѣна бурмистровъ причиняетъ то зло, что они не успѣваютъ привыкнуть къ своему дѣлу и опытные цѣловальники ихъ обманываютъ; разныя цѣны заставляютъ переводить вино изъ того мѣста, гдѣ оно дешево, въ мѣсто дорогой продажи и, такимъ-образомъ, развиваютъ кормчество. Онъ предлагаетъ, между-прочимъ, аппаратъ—какъ узнавать разсуропку вина водой. Недавно въ нашей современной литературѣ отстаивалась свобода продажи вина; но Посошковъ писалъ по своему крайнему разумѣнію, съ цѣлію доставить доходъ казнѣ, стараясь, какъ можно, «пьянство изъ народа поубавить». Казенная продажа представляется ему дѣйствительнымъ къ этому средствомъ;

но онъ оспариваетъ такіе недостатки, которые сами-собою уничтожаются при продажѣ вольной.

Случайно попавшимися фальшивыми деньгами Посошковъ былъ вызванъ написать статью «о денежныхъ дѣлахъ,» которую желалъ представить Секретарю Макарову, но не засталъ его дома и не допущенъ стражею, а статья, между-тѣмъ, затерялась.

Впослѣдствіи онъ высказываетъ ту-же мысль въ своемъ сочиненіи «о скудости и богатствѣ,» изъ которой видны его понятія о монетѣ, какъ орудіи мѣны; но здѣсь они уже не такъ вѣрны и научны, какъ мы встрѣчаемъ въ другихъ экономическихъ вопросахъ. Главною гарантіею монеты, въ сохраненіи ея номинальной цѣны, онъ ставитъ не внутреннюю ея цѣнность и количество потребное для мѣновыхъ оборотовъ, но высказанное обезпеченіе правительства и, вслѣдствіе этого, публичное довѣріе. Онъ не принялъ во вниманіе, что движеніе естественныхъ законовъ и сила экономическихъ обстоятельствъ въ этомъ случаѣ побуждаютъ въ народѣ всякую преданность, всякое довѣріе и уваженіе къ предержащей власти, онъ невольно становится ослушникомъ противонаучныхъ указаній и неразсчетливая монетная система не замедлитъ произвести колебаніе и суматоху въ народномъ хозяйствѣ.

Изъ этого краткаго очерка читатель видитъ не критическую оцѣнку литературной дѣятельности Посошкова, не строгій разборъ его идей, по отношеніи ихъ къ законамъ и цѣлямъ науки; мы не рѣшались взять на себя такого важнаго труда, но мы старались высказать нѣсколько собственныхъ мыслей, внушенныхъ чтеніемъ сочиненій русскаго крестьянина-экономиста. Хотя мы имѣли ввиду собственно его экономическія понятія, но не можемъ удержаться, чтобъ не сказать здѣсь о другихъ его талантахъ.

Почти треть его книги занимаютъ разсужденія о духовенствѣ, какъ высшемъ сословіи и, по существу своему, вліяющемъ на прочія, а въ особенности на народъ, и о дѣлахъ судебныхъ и уголовныхъ. Мы встрѣчаемъ въ его воззрѣніяхъ на эти предметы много юридическаго такта, много благородныхъ и возвышенныхъ стремленій.

Такимъ-же нравственнымъ типомъ является онъ въ жизни частной и семейной. Характеръ его какъ отца хорошо узнаемъ изъ наставленія, даннаго сыну, отправленному въ путешествіе. Какъ христіанинъ видѣнъ онъ въ своихъ убѣжденіяхъ и пониманіи религіи; доказательства тому разбросаны въ его сочиненіи. Какъ гражданинъ онъ весь обрисовывается въ слѣдующихъ словахъ: «Страшенъ ли сей глаголь, что дерзнулъ о такомъ дѣлѣ великомъ написать, но презельная моя горячесть понудила мя на сее дѣло, Богъ бо ми свидѣтель, что неради какого поисканія или прибытка желая себѣ, но токмо самыя ради любви, юже имѣю къ Его Императорскому Величеству. Ибо я отъ юности моея бѣхъ таковъ, и лучше ми каковую либо пакость на себѣ понести, нежели, видя что не полезно, умолчати... И сія мнѣнія моего изъявительныя писанія о истребленіи всякія великія и малыя неправды и несправностей и о насажденіи прямыхъ правды и правостей, елико ми Богъ помощи своей ниспослалъ, вся написахъ не обинуясь и предлагаю на разсужденіе единого высокопарнаго бѣлаго орла.... И тако пламень любви къ Его Царскому Величеству воспламенится во мнѣ, еже никакая нужда присѣщи не могла».

Проникаясь духомъ преобразованій, постигая великіе замыслы Великаго Петра, передъ которымъ благоговѣлъ Посошковъ, какъ темный труженикъ, работалъ «утаенно отъ зрѣнія людскаго», желая быть помощникомъ мудрому царю и не имѣя возможности выступить открыто на широкую арену

административной дѣятельности. Его занимаетъ и флотъ—любимое дитя заботъ и думъ Петровыхъ,—и войско,—его созданіе; непріятно ему видѣть, какъ гніетъ корабельный лѣсъ занесенный пескомъ, какъ лопаются на снастяхъ гнилые канаты; тяжело его сердцу при взглядѣ на воина, неумѣющаго стрѣлять, и на судью, криво управляющаго своимъ дѣломъ, и на крестьянина, бѣдно и лѣниво живущаго въ невѣжествѣ и притѣсненіи. Съ наболѣвшей душой ищетъ онъ врачеванія и, сквозь скептицизмъ и иронію, у него часто проглядываетъ лучъ надежды.

Хорошо тому народу, который въ омутѣ золь и недостатковъ не вянетъ духомъ, не падаетъ силами, когда, напротивъ-того, онъ неудержно стремится изъ этой скорлупы къ свѣту и истинѣ; вѣренъ и широкъ его путь къ прогрессу и развитію. Хорошо тому сословію, которое можетъ изъ своей среды выслать гражданъ, надѣленныхъ богатствомъ способностей и, вопреки незавидныхъ общественныхъ условій, умѣвшихъ принести свои силы на пользу общую; богато и оно задатками будущаго и движенія впередъ.

Потребности времени переросгають трудъ дѣятелей извѣстныхъ эпохъ, ушедшій далеко процессъ развитія дѣлаетъ ихъ неудовлетворительными во многихъ отношеніяхъ; но если мы останемся вѣрны тому требованію исторіи, что судъ надъ лицомъ произносится въ отношеніи его къ современности, то должны признать, что Посошковъ былъ великій человѣкъ своего вѣка.

Намъ пора кончить, мы слишкомъ увлеклись уваженіемъ и удивленіемъ къ этому человѣку и, пожалуй, вмѣсто справедливаго приговора написали панегирикъ; но пусть наше слабое слово почитъ его и за то, что оно вызвано глубокимъ русскимъ спасибо.

Е. М—въ.

